

Кажарова Инна Анатольевна

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРЯДА ПОСВЯЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ
З. КАНКУЛОВА "ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ"**

В статье эксплицируется обряд инициации, художественно трансформированный в сюжете повести З. Канкулова "Затерявшийся в городе", и выделяются мотивные признаки, восходящие к данному обряду. Среди наиболее очевидных признаков отмечается прохождение инициационных ступеней, присутствие проводника, наличие знака посвящения, образ пути, прохождение через метафизическую смерть.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 32-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.35.0

В статье эксплицируется обряд инициации, художественно трансформированный в сюжете повести З. Канкулова «Затерявшийся в городе», и выделяются мотивные признаки, восходящие к данному обряду. Среди наиболее очевидных признаков отмечается прохождение инициационных ступеней, присутствие проводника, наличие знака посвящения, образ пути, прохождение через метафизическую смерть.

Ключевые слова и фразы: трансформация; мотив; образ; герой; сюжет; инициация.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРЯДА ПОСВЯЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ З. КАНКУЛОВА «ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ»

Заур Мухамедович Канкулов (1967-1992) – адыгский прозаик, за очень короткую жизнь успевший создать многогранный и философски углубленный мир, пронзительным выражением которого стала его повесть «Затерявшийся в городе». Рукопись повести была обнаружена З. Канкуловой в 1995 году, после гибели писателя, и опубликована с ее послесловием в журнале «Ошхамахо» [2]. Спустя почти десятилетие в республиканском издательстве «Эльбрус» вышел сборник произведений З. Канкулова «Затерявшийся в городе», куда, помимо одноименной повести, вошли пять его рассказов, известных на сегодняшний день. В 2009 году повесть, переведенная на русский язык Л. Маремкуловой, была включена в сборник прозаических произведений современных писателей Северного Кавказа «Цепи снеговых гор» [1].

Отражая действительность конца 1980-х – начала 1990-х годов, З. Канкулов выделил тот ее аспект, который был ему ближе всего – реальность родного этноса, и выбрал героев, близких ему по возрасту, – это молодые люди, которым предстоит вступить на дорогу новой, взрослой жизни: вчерашние школьники Феликс, Коля, Залина и Ахмед. События повести выстраиваются вокруг ключевого этапа в их жизни – переход из стихии школьного коллективизма во внешнюю действительность, в самостоятельную жизнь, потому их история – это история выбора пути и обретения собственной цельности. В семантике этого перехода, как видится нам, своеобразно проступает трансформированный во времени обряд возрастной инициации. В данной статье будут определены признаки, отсылающие к обряду посвящения, и прослежены особенности их художественно-философской интерпретации.

Переход подростка во взрослую жизнь сам по себе сложен. Переход, совершаемый в мире хаотических ценностей, сложен вдвойне. Варианты посвящения во взрослую жизнь, прохождения инициационных ступеней могут быть разные. И степень осознания данного рубежа способна многое поведать о внутреннем мире человека. В этом смысле наибольшее напряжение из всех молодых героев повести выделяет Ахмеда. Пожалуй, именно в отношении него понятие «посвящение» оказывается наиболее органичным и наиболее близким к своей изначальности, ведь глубинный смысл посвящения «... всегда религиозен, потому что изменение экзистенциального состояния происходит в результате религиозного испытания. Посвященный становится другим человеком, ибо ему открывается религиозная сущность Мира и Жизни» [5]. Не по годам серьезный, вдумчивый парень, Ахмед умеет «разговаривать с Кораном». Обучил его этому дед Бекул, «одичавший старый отшельник». Именно через мудрость Бекула Ахмед надеется найти разрешение своих терзаний и получить совет в выборе жизненных приоритетов (как надо жить: в свое удовольствие или согласно истинам Корана?). С позиции духовного бытия совет деда Бекула аксиоматичен и предсказуем: «Помни мои слова. Живешь, пока желаешь познать что-то. Сердце в чистоте храни. Для праведного человека не то что творить негодее, а и помыслить о плохом – великий грех» [1, с. 119]. Как знак посвящения можно трактовать то, что Бекул передает юноше свой Коран и дает ему право клясться на нем при надобности. Из всех молодых людей, представленных в повести, Ахмед единственный, в ком наиболее ощутима сила, восходящая от родных корней. Он знает отвергнутый и позабытый не только его сверстниками, но и поколением их родителей родной язык, наршу. Для него значим авторитет предков, что явствует из его привязанности к своему «наставнику», деду Бекулу (к слову, для Коли, Феликса и Залины связь с предками утрачена окончательно). Он освоил язык, на котором нужно «разговаривать» с Кораном, и теперь посвящен в его истины. Довольно трудно судить о том, насколько это приближает Ахмеда к религиозной сущности Мира и Жизни, но в свои юные лета он постиг, что Коран наделен душой. В нем образ, за которым юноша уже способен прозревать отчетливую модель жизни и поведения. Книга эта с лицом смиренным и замкнутым «похожа на устоявшегося в мыслях и делах человека», «не криклива в одеянии и словах, не выбалтывает всех мыслей разом» [Там же]. Но также ясно Ахмед видит и удручающую разобщенность истин священной книги и законов жизни. «Везде ложь. Сытая, румяная ложь. Наши горные речки отравлены. Мальчик Дидаровых напился из речки... Нана ходила на похороны. Все знают, что винзавод сливает в речку всякую гадость. Знают, а молчат. А что толку говорить? Ходили смельчаки жаловаться. И что?» [Там же, с. 122]. Отравленная река – символ, имеющий глубокий этнический подтекст, поскольку созвучие адыгского *псы* («вода, река») и *псэ* («душа») говорит само за себя. Трудно не согласиться с тем, что «действенность эмпирического пейзажного образа проявляется, как правило,

в «особенных» исторических ситуациях, когда национальные реалии в обостренном сознании приобретают значение символов и обобщений» [4, с. 179]. Иными словами, образ отравленной реки транслирует символическое значение вырождающегося бытия этноса. С одной стороны – строгое лицо Корана, с другой – абсолютная индифферентность актуальной действительности к этому лицу и к его духовности, оптимистичное следование собственной спекулятивной логике. Отсюда вопросы без ответа, метания Ахмеда между великими истинами Корана и принципом «жить надо в свое удовольствие». Тем не менее именно на данном участке повести, в диалоге Ахмеда и деда Бекула обнаруживают наибольшую концентрацию атрибуты инициации: отчетливое чувство порога, стремление вступить во взрослую жизнь с осмысленными приоритетами, наличие проводника-предка, посвящающего во взрослую жизнь и присутствие знака посвящения. То, что мы обозначили как чувство порога, в жизни другого героя, Феликса, дает о себе знать спонтанно, но неизбежность и драматизм перехода от этого не ослабевают. Здесь встает вопрос уже не о выборе наиболее верного пути, а прежде всего о желании избавиться от постоянно преследующей героя шаткости, неустойчивости собственного бытия. Внутренние метания провоцируются не двумя возможными сценариями жизни, а мировоззренческим сумбуром, который и приведет Феликса к окончательной потере самого себя. Интересно то, что тропы, открытые перед Феликсом, не разобщены, не противоречивы, – они хаотичны. Можно сказать, что одна из них выбрала его еще в то время, когда он, будучи совсем мальчишкой, прирос душой к глазастой девчонке. Его тропа рассекает тьму, она ярко светится лунным светом в ночи и отрывается от земли. Это сокровенный ориентир, ведь на этой тропе он ясно видит силуэт Залины. Залина и Феликс – двое, которым по какой-то причине уже с ранних лет открылась жизнь в ее высочайшем смысле. Они привязались друг к другу еще в раннем детстве. Вроде бы в этой трогательной истории нет ничего экстраординарного, но обращает на себя внимание то, что в детском осознании этого чувства Феликсом пробивается какая-то удивительная первозданная преданность и стойкость. Его это не пугало, – говорит автор в отношении детского сердца, с готовностью принимающего внезапно возникшее чувство: «Сохранить чувство, родившееся столь рано, не хватит никаких сил, физических и душевных, но Феликса это не пугало. Он протягивал ей упавший мяч, давая понять, что так будет всякий раз, а понадобится носить за ней портфель до скончания века – он и на это согласен» [1, с. 141]. Однако озаренная лунным светом тропа, на которой его ждет любимая девушка, проходя пунктиром через жизнь Феликса, ничего в ней не меняет, поскольку сделать твердый выбор в пользу этого пути он не решается. Синхронно возникает и образ другого пути. Он связан с мистическим ужасом, поскольку, очутившись на нем спонтанно, герой оказывается чем-то вроде медиума для мечущегося в состоянии неприкаянности исторического прошлого. В данном случае кошмары и видения Феликса правомерно рассматривать как те ступени испытаний, которые он должен пройти. Как известно, еще в фольклоре ранних времен «инициация включает временную изоляцию от социума, контакты с иными мирами и их демоническими обитателями, мучительные испытания и даже временную смерть с последующим возрождением в новом статусе» [3, с. 21]. На этом пути он сталкивается с дедом Бекулом, на какое-то мгновение дед становится проводником, и жизнь юноши, пусть медленно, но начинает выправляться. Однако ему так и не достает мужества пройти ступени инициации до конца, а потому становление личности, нахождение собственного «я» так и не свершается. У Феликса уже есть свой проводник во взрослую жизнь – приятель Коля: «...Он так и слышит голос приятеля и видит его презрительно скривившиеся губы. – Время кошек-мышек прошло, мы уже взрослые. Будь мужчиной и следуй мне во всем, не то...» [1, с. 142].

Колю отличает ясное видение желаемого пути и четкое следование ему, иное дело, каковы ценности, к которым ведет этот путь. Образ Коли наиболее сложный, ибо многогранно отрицательный, однако именно в нем прослеживается поступательное движение от состояния юношеской неприкаянности к обретению твердой почвы под ногами. Этот герой тоже проходит посвященные испытания, но с иным смыслом, здесь «...инициация толкуется как познание зла, приобщение к злу, нечто вроде грехопадения» [3, с. 21]. Прохождение ступеней инициации осуществляется Колей через женщину. Если восстановить инициационные ступени, которые он проходит, то в начале окажется женщина, которую, по его словам, он познал, когда ездил с родителями на море, следующей – приезжая девушка с вымышленным именем Джульетта, с которой он заводит интрижку на озере, затем – девушка из общежития, которую он выигрывает в карты, престарелая женщина Оля, которой Коля за деньги оказывает интимные услуги и, наконец, девушка его лучшего друга Залина, над которой он совершает насилие. Идея становления воплощается здесь через реализацию демонического соблазна.

Таким образом, из ряда признаков, восходящих к обряду посвящения, в рассматриваемой повести отчетливо прослеживаются ощущение героями чувства порога, прохождение инициационных ступеней, присутствие проводника, наличие знака посвящения, образ пути, прохождение через метафизическую смерть.

Список литературы

1. **Канкулов Заур.** Затерявшийся в городе / пер. Л. Маремкуловой // Цепи снеговых гор: повести писателей Северного Кавказа. М.: Фолио, 2009. С. 109-188.
2. **Къанкъул З.** Къалэм дэгъуэшыхъа: повесть (Канкулов З. Затерявшийся в городе: повесть) // Гуащхъэмахуэ. 1995. № 1. С. 3-52.
3. **Мелетинский Е. М.** О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
4. **Узденова Ф. Т.** Этносимволы в картине мира карачаевцев и балкарцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. 2. С. 178-181.
5. **Элиаде Мирча.** Тайные общества. Обряды инициации и посвящения [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/355327-tajnie-obshestva-obyryadi-initiatcii-i-posvyasheniya.html> (дата обращения: 01.02.2016).

**ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL TRANSFORMATION
OF THE INITIATION RITUAL IN THE STORY BY Z. KANKULOV “LOST IN THE CITY”**

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
*Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches of the Government of Kabardino-Balkarian Republic
and Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
barsello@rambler.ru*

The article explicates the initiation ritual artistically transformed in the story by Z. Kankulov “Lost in the City”. The author identifies the motive features tracing back to this ritual. Among the most evident features the researcher mentions passing the initiation levels, the presence of a guide, the initiation sign, the image of a road, experiencing the metaphysical death.

Key words and phrases: transformation; motive; image; hero; plot; initiation.

УДК 82-31

В статье рассматривается символика православной иконы в контексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» и её назначение для характеристики и интерпретации образов главных героев произведения. По итогам исследования автор делает вывод о том, что излишне материальное отношение персонажа к Святому Образу позволяет определить степень его духовно-нравственного отчуждения от истинных православных ценностей: Любви, Прощения, Сострадания и Покаяния.

Ключевые слова и фразы: православная икона; Головлёвы; свет; совесть; нравственное оскудение; Салтыков-Щедрин.

Ларионова Наталья Петровна

*Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
lariionovanatula@mail.ru*

**ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА В КОНТЕКСТЕ РОМАНА
«ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

Обращение М. Е. Салтыкова-Щедрина к православной иконе как художественному образу традиционно для русской классической литературы, пропитанной христианскими аллюзиями и реминисценциями. Об этом подробно пишет В. Лепехин в книгах «Икона и иконичность» (2002), «Икона в русской художественной литературе» (2003), отмечая значение детских религиозно-обрядовых впечатлений на становление и творческое развитие А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Н. В. Гоголя и др.

Цель нашего исследования – определить, каким образом М. Е. Салтыков-Щедрин использует образ православной иконы для характеристики главных героев произведения. Для этого необходимо выполнить следующие задачи: охарактеризовать религиозно-нравственные основы воспитания писателя; описать отношение Головлёвых к Святому Образу; выделить православные иконы, названные в тексте романа, и определить их воздействие на членов семейства.

В. В. Лепехин, характеризуя многочисленные функции иконы, выделяет литературную и связывает ее с образом Иисуса Христа, второго Лица Пресвятой Троицы, воплощением Слова Божьего – Логоса [7]. «Бог-Отец все творит Словом, то есть Единородным Сыном Своим, при воздействии Духа Святого: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”» (Ин. 1:1).

Понимание иконы как Слова, нашедшего воплощение не только в иконописи, но и в Священных текстах, позволило нам определить степень воздействия православного христианского учения на М. Е. Салтыкова-Щедрина, которое нашло отражение в семейных хрониках «Господа Головлёвы» и «Пошехонская старина».

В семье М. Е. Салтыкова «...религиозный элемент сведен был на степень простой обрядности» [9, с. 36]. Писатель вспоминает, как по воскресеньям все семейство обязательно отправлялось в храм, а в канун каждого двенадцатого праздника в дом приглашали священника, который служил молебен с водосвятием. От взгляда юного Салтыкова не укрылось, что это действо носило сугубо театральный характер, где для каждого была прописана особая роль. Так, например, дети должны были усердно креститься и отвешивать земные поклоны; отец семейства за надлежащее исполнение раздавал черствые кусочки просвиры. «Во всем этом царствовала полная машинальность, и не чувствовалось ничего, что напоминало бы возглас: “Горе имеем сердца!”» [Там же].

Источником духовно-нравственного становления писателя в таких условиях стало случайно найденное среди книг старших детей «Чтение из четырех евангелистов». Сам Салтыков видел в этом некий Божий промысел, так как обретение случилось во время Великого поста. Позднее писатель признавался: «Главное, что я почерпнул из чтения Евангелия, заключалось в том, что оно посеяло в моем сердце зачатки общечеловеческой совести...» [Там же, с. 70]. Иными словами, Слово Божие не только пробудило ростки нравственности в душе юного Михаила, но и, воплощенное в виде книги, показало назначение и воспитательные возможности писательского слова вообще.

Таким образом, Евангелие как полновесное предание о страданиях и великой любви Бога к человеку составило основу религиозно-нравственного мировосприятия писателя, а в поздних произведениях Щедрина Евангелие